

ПАЛ ТАМАШ,

профессор, директор Института социологии Венгерской академии наук (Будапешт)

**Массовые выступления на городских улицах
как жанр политического карнавала:
возможное толкование событий
ноября–декабря 2004 года в Киеве**

Abstract

The author suggests analysis of the so-called “Orange Revolution” events through the different paradigmatical approaches as (a) the Postponed radical Perestrojka connected with re-configuration of political roles for the classical intelligentsia, as (b) a post-modern revolt, (c) a late-modern human rights campaign, as (d) the democracy export, (e) street politics with mass mobilization, directed to replacement or dismissal of post-Soviet power elites. The conclusion about a hybrid reality of this event with the focus on emergence of the post-Soviet middle class, its civil structures and ideologies is argued.

Десять тезисов

1. Согласно официальной позиции Киева, уличные выступления и перераспределение власти на уровне политической элиты в конце 2004 года предстают в неразрывном единстве, обнаруживающем определенную причинно-следственную связь. Мы, однако, считаем целесообразным рассматривать отдельно сами выступления как запланированную акцию или, по крайней мере, как хорошо поставленный спектакль и мобилизацию среднего класса, без появления которого на улицах саму акцию не удалось бы организовать в том виде, в котором она осуществилась, но эти два явления, несмотря ни на что, не вытекают первое из второго.

2. Что означало появление на улицах ориентированного на Запад среднего класса? Для понимания процессов, происходивших в ноябре–декабре 2004 года, необходимо рассмотреть палитру политических взглядов украинской интеллигенции. В Центральной Европе после 1989–1990 годов очень быстро сформировалась своеобразная биполярная классовая модель общества: постдиссиденты и посткоммунисты. Неоднородный личный дис-

сидентский опыт и одновременно разная степень вовлеченности в процесс среди социалистов, то есть бывших реформкоммунистов, действительно давали о себе знать, но эти два лагеря явно сформировались еще до начала – середины 1990-х годов и казались относительно стабильными. В дальнейшем эту формулу где-то быстрее, а где-то медленнее стало заменять более старое противоречие: между западниками и национально ориентированными кругами. Получил развитие весьма интенсивный *Kulturkampf*, что в итоге уничтожило границы имевшихся ранее политических разногласий. В крупных городах России во второй половине 1990-х также стало очевидным противостояние западников (то есть “демократов”) и тех, кто считал восстановление сильного государства первоочередной задачей (различные группы “государственников”). Линия фронта обозначилась довольно четко. Переход из лагеря в лагерь интеллектуалов, уже достигших стабильного положения, наблюдался крайне редко. В Украине в предыдущие годы в рядах интеллигентской элиты подобной дихотомизации не было. Не было таких крупных диссидентских группировок, жизненный опыт и политическое мировоззрение которых были бы осмыслены хотя бы в широких кругах самой интеллигенции. Отсутствовала и традиция государственности, защита которой или во всяком случае утверждение ценности государственного опыта имели бы мотивационную привлекательность. Для многих все это уступало место национальному проекту. Но ощущалось отсутствие консенсуса по поводу рамок этого национального проекта, соотношения политической нации и этнической нации, а также роли в государстве воли центральной власти и ее отношений с региональными автономиями. В 1990-е годы развитие государственности происходило успешно, но, на мой взгляд, в сугубо прагматическом плане, в пределах “осуществимого”. Если национальной стороне иногда удавалось заставить властные структуры принять регулирование, грозившее нарушением минимально допустимого уровня консенсуса, то центральная политическая власть, сохраняя эти регулятивы на бумаге, в итоге просто не применяла его. Вследствие этого интеллектуальная элита, в отличие от ситуаций, сложившихся в соседних странах, осталась более разобщенной и исповедовала более туманные политические формулы. Под таким углом зрения и следует на основе сопоставления выявить различия между украинскими и московскими западниками, даже если их культурные идеалы в 1985–1990 годах казались тождественными. Московские западники, собственно, продолжали традиции российской интеллигенции — имперских повстанцев, отождествляющих себя в качестве составляющей российской истории под самоназванием “атлантисты”, чтобы иметь возможность сохранять свою имперскую, но не государственную идентичность. Европейская модель начала играть определенную роль только в начале 1990-х годов, когда наивный “атлантизм” обнаружил свою недееспособность. Американская элита не усматривала в этих людях ни равноправных партнеров, ни союзников, мнение которых следует учитывать в собственных решениях. Таким образом, сложилась ситуация, когда из-за отсутствия альтернативы образовалась некая смесь европейской ориентации со склонностью к национальным ценностям. В ходе перестройки западники в крупных городах Украины пользовались меньшей поддержкой интеллигенции, нежели в Москве или Петербурге. К тому же среди них не было широко известных имен и медийных героев, каковые были в Москве и в Восточной Европе. Наряду с этим для

этой среды национальный проект оказался чуждым, скорее маргинальным и провинциальным, а порой представлялся даже шовинистическим. Одновременно концепция “атлантистских” взглядов здесь вовсе отсутствовала, даже у новой московской ельцинско-путинской власти. Поиск системы сбалансированных связей, приемлемой для этих кругов, ни к чему бы не привел. Ощущалась необходимость в собственном государстве, в более четко очерченных геополитических устремлениях. Такими были перспективы на отдаленное будущее, связанные с европейскими идеалами и ценностями западного общества. В таком свете и вырисовывалась возможность связи с национальным лагерем, причем в центральноевропейских странах западники не имели возможности подобного объединения с националистами. Здесь же, по крайней мере в ноябре–декабре 2004 года, мы наблюдали образование определенного общего фронта националистов и либералов, но при этом, как мне кажется, без формулировки национально-либеральной идеологии или политической программы. В качестве резюме можно сказать, что “оранжевая” элита, пришедшая к власти в 2005 году, в экономической политике и стратегии государственного строительства продемонстрировала такие же черты “государственности”, как и любая другая постноменклатурная элита в постсоветском пространстве. Разумеется, кое-кто мог бы посчитать галицкий национальный проект проектом западным. Сформулированная по этому поводу национальная программа, безусловно, сродни польской, венгерской и чешской национальным программам, а через них, опосредовано, и немецкому романтическому национальному проекту. Я упоминаю образцы и связи родства в их временной последовательности именно потому, что в целом этот проект нередко считают определенным ответвлением “западного национального концепта”. Из этого должно было бы следовать, что вероятным может быть предпочтение, хотя бы временное, со стороны постперестроечной либеральной интеллигенции крупных городов галицкого проекта.

3. Собственно, речь идет об обострении конфликта между Кучмой и молодыми более образованными средними слоями крупных городов на уровне политического дискурса. Сущность конфликта я усматриваю в разной степени модернизации двух политических способов самовыражения. В начале 1990-х годов экономическая номенклатура, по сути, сохраняя за собой власть, в своем мировоззрении и способе самовыражения несколько модернизировалась и освоила, в рамках своей умственной ограниченности, приемы современных масс-медиа. Но поскольку необходимость модернизации не была императивной, разрозненная интеллигенция смогла оказывать свое влияние в меньшей мере, чем даже в Москве или в центральноевропейских странах. В результате не произошло коренных изменений в стиле манифестации политической элиты, которая в своем внешнем виде, в манере говорить, выступлениях в масс-медиа и иконических композициях оказалась гораздо более консервативной по сравнению с тем, что наблюдалось в большинстве стран региона. Здесь нецелесообразно рассматривать вопрос о том, какую роль в данном случае сыграло изменение языка. В общественной жизни даже русскоязычная постноменклатура стремилась к украинизации политической жизни. В 1990-е годы эта номенклатура много сделала для усвоения украинского политического дискурса, что, по-видимому, потребовало таких личных усилий, что на обновление содержания и стиля остался крайне ограниченный энергетический запас. Но независимо от первопри-

чин приходится констатировать, что по своему стилю политическая элита начала отставать от среднего класса, который модернизировался. Этот средний класс везде в постсоветском пространстве является более или менее разрозненным. Украинский экономический кризис был более глубоким и длительным, чем российский и центральноевропейский. Но хотя и с опозданием в несколько лет, в молодежных кругах, особенно в крупных городах, сформировался слой, по своему мировоззрению, уровню образованности и овладению украинским языком уже радикально отличающийся от того образа, который являет общественности постноменклатурная элита. Разумеется, подобные различия наблюдаются во всем постсоветском пространстве. Но в целом это ведет скорее не к политической активизации, а к подчеркнута пассивной политической позиции молодежи. Язык политиков, ценности, на которые они ссылаются, так же безразличны молодежи, как и особенности половой жизни глубоководных рыб. Собственно такие вещи известны мудрой политической элите, вовсе не желающей изменять положение вещей. Она, конечно, заявляет о необходимости большего участия молодежи в политической жизни, но на самом деле вполне удовлетворена тем, что ее поколению не придется делить политическую власть со следующим. По-настоящему образованные 20–35-летние и не рвутся к политической власти, ведь в принципе в условиях современной экономики либо подключаясь к международной научной жизни, либо представляя интересы местных филиалов мультинациональных фирм, они могут рассчитывать на гораздо лучшие перспективы.

4. В случае Украины, по моему убеждению, положение упоминавшихся групп отличается от наблюдающегося в других восточноевропейских странах. С одной стороны, скажем, в Киеве или Харькове из-за запаздывания и медленного развития экономики и науки открывается меньше перспективных рабочих мест, чем в таких городах, как Москва или Петербург. Рост уровня и качества образования, а заодно и самого квалифицированного слоя происходил в Украине так же быстро, как и там. Таким образом, здесь потенциальное развитие и энергия средних классов не находят применения. С другой стороны, местная постноменклатурная элита, продолжая держать под контролем политическую жизнь, абсолютно не способна контролировать культурное пространство. Украинские масс-медиа по статистике получили значительное развитие в течение 1990-х годов, однако этот рост до сих пор объясняется в основном заимствованием российских программ, книг, изданий. Относительно влияния подобных заимствований на украинское политическое мышление в целом следовало бы провести специальные исследования. Но с точки зрения нашей темы достаточно констатировать, что местная политическая элита не может влиять на этот культурный процесс, а значит, остается беззащитной перед собственным средним классом. Дело не в том, что российская масскультура в Украине каким-то образом усиливает прозападные настроения как оппозиционные политической элите. Скорее нужно говорить о политическом отчуждении как форме противостояния постноменклатуре, поскольку импортируется культурная продукция, отчуждающая по двум позициям — является порождением другой социокультурной среды и в то же время несет на себе постноменклатурный отпечаток. Собственно говоря — по остроумному замечанию “Нью-Йорк Таймс” в Украине — московские телешоу являют собой смесь атмосферы Лас-Вегаса

и съездов КПСС и как таковые двояко чужды повседневному жизненному опыту зрителей.

5. Восстаний образованных представителей среднего класса против представителей явно устаревшей по своей сути политической элиты в других странах не происходило. В Украине же это произошло, несмотря на то, что новая политическая власть, стремящаяся к стабильности, вывела на политическую арену несколько новых политических фигур, тогда как старые преимущественно безболезненно “уволились” и вернулись к своим прежним общественным профессиям. В соответствии с нашей концепцией, независимо от объективных причин, объясняющих активное участие населения в выступлениях, эти события ни за что бы не произошли, если бы культурный разрыв поколений не нашел форму проявления благодаря организационным и политическим инновациям типа маркетинга, которые не зависели от участников выступлений на Майдане. Эти новации способны сохранять свою жизнеспособность, и более того, руководить акциями протеста даже в том случае, если бы они сами по себе утихли. Здесь я совершенно не пытаюсь присоединиться к тем интеллектуальным спекуляциям, согласно которым Киев осенью 2004 года был просто плацдармом для испытания методов западных и московских “политтехнологов”, и победителями вышли более опытные западные. Безусловно — причем независимо от того, в каком соотношении действовали “импортные” и собственные, местные средства политического маркетинга — в итоге произошло важное обновление политического арсенала средств влияния, релевантное даже в международной плоскости. Основной чертой этого явления я считаю не столько сознательное влияние, оркестровку “революции”, сколько “лицензию” на нововведение, ставшее возможным благодаря удачному сочетанию движения политического неповиновения, ситуации выбора и “почти восстания”. Саму нежелательную политическую власть, особенно в тех случаях, когда руководители репрессивных органов не намерены оказывать ей безусловную и полную поддержку, можно свергнуть либо путем путча, либо путем уличных выступлений, что гораздо труднее. Результат можно назвать революцией, а можно и не называть, но это, собственно, не имеет значения. Во всяком случае (если только предыдущий режим не был осужден в международном плане) приобретение легитимности новой властью — процесс нелегкий, требующий немалых усилий. В Европе такой способ смены режима — дело сложное и рискованное, тем более, что существует угроза кровопролития, которое со временем будет очень трудно оправдать. В итоге утверждение нового политического режима тоже является задачей, требующей немало времени и значительных энергетических затрат. Прибегать к открытой конфронтации и довести ее до логического завершения после опыта 1989–1990 годов никто не отваживался. Вывести на улицы большее или меньшее количество людей не проблема. Проблема состоит в том, как сдерживать массы до того момента, когда с их помощью удастся добиться смены власти без привлечения силовых структур. В принципе демократические реформы, даже в восточноевропейских ограниченных демократиях, можно осуществить только путем выборов. Однако известно немало случаев, когда “партия перемен”, скажем “западники”, не может победить на демократических выборах. Причиной этого является прежде всего не тот факт, что руководящая партия применяет “административные меры” против оппозиции, а то, что собствен-

но как политическая сила оппозиция в тот или иной период — иногда весьма длительный — оказывается гораздо более слабой. Ее идеология не соответствует рыночным установкам, материальные ресурсы ограничены и остро ощущается нехватка профессиональных организаторов. Что же в такой ситуации можно предпринять? В последние годы вроде бы родилось решение, особый рецепт для таких случаев. Остается только обратиться к видимости демократических выборов. Восточноевропейские страны как члены Европейского Совета декларировали свою приверженность правилам демократической игры. Соответственно, если они объявляют выборы, то в этих выборах должны участвовать и движения, называющие себя оппозиционными. Проведение первого тура неизбежно. Если же оппозиция убеждена в том, что не сможет выиграть выборы, она заранее заявляет, что соперник подтасует результаты, а значит, поскольку соперник неминуемо выиграет, признать результаты таких выборов невозможно. С этой целью организуется целая кампания, в ходе которой объясняют, что результаты выборов почти наверняка окажутся неприемлемыми. Разумеется, они не против победить, но если не удастся (в чем они убеждены), то результаты, ясное дело, будут считаться нелегитимными. Это утверждение настолько убедительно повторяется как дома, так и за рубежом, что события, происходящие на самих выборах, собственно, не имеют значения. Конечно же, оказывается, что, независимо от того, прибегают ли стороны к запрещенным приемам, с правящей партией и правительства уже не смочь обвинения в подтасовке результатов. То есть мы участвуем в политической игре, в избирательном спектакле, а затем, обвиняя правительство в фальсификации, прибегаем к непарламентским приемам (уличные выступления, внутренний путч или смесь того и другого), после чего проигравшая сторона приходит к власти. Для этого необходимо манипулировать массами в новом стиле, используя новую оркестровку. Второй элемент инновации — это оформление уличных событий как карнавала, как праздника, как культурного события, становящегося точкой отсчета. На этом уровне тот же механизм — и об этом уже говорили тысячу раз — применялся и в Сербии, и в Грузии, и в Украине. Здесь, впрочем, следует указать различия между данными моделями. В Сербии власть Милошевича оказалась в международной изоляции. После натовских бомбардировок мир принял бы и насильственный путч в Белграде, но против армии, которая сохраняла свою целостность и проявила в балканских войнах незаурядную решительность, выступить никто не отважился. Оставалось только прибегнуть к выборам, обвинениям в фальсификации и уже в ночь выборов — к восстанию (безусловно заранее заручившись невмешательством армии). В ход пошли обвинения в подтасовке, но серьезно к этому никто не относился, во всяком случае, по моим сведениям, общественности никогда не сообщали о результатах, свидетельствующих о распределении сил после “несфальсифицированных” выборов. После решающей ночи власть перешла к представителям старой оппозиции, бывшим общникам мест, по сути, не доставалось. Для стабилизации нового режима Запад — Евросоюз, НАТО и т.п. — активно использовал прямые методы поощрений и угроз типа кредитов, отмены ограничений на передвижение граждан и вынужденного сотрудничества с Международным Трибуналом. Народные волнения в ночь выборов, а также в последующие три дня действительно имели место и в провинции, но все важные события происходили в

Белграде, ставшем единственной сценой решающих выступлений. Грузинский сценарий, хотя внешне и был весьма похожим, отличался в очень важных, если не ключевых моментах. Шеварднадзе — фигура, безусловно признанная международным сообществом, не идет ни в какое сравнение с Милошевичем. Он проводил активную проамериканскую политику. В отличие от Сербии 1990-х годов страна была открыта для иностранных специалистов. Тех, кто его свергнул, Шеварднадзе в свое время воспитывал как своих потенциальных преемников, а потом от них отказался. Кандидаты в наследники забеспокоились. Действовать решили наверняка и захватить власть как можно скорее. Заметим, что советская Грузия находилась в значительно лучшем экономическом положении, чем сейчас, ведь в настоящее время представители среднего класса и образованная молодежь не видят для себя никаких перспектив в замершей, лишенной природных ресурсов стране. Но к терпеливости этих людей добавилось нетерпение вероятных престолонаследников. К тому же здесь американское посольство не сдерживало порывов молодежи, и в Тбилиси не существовало такой сильной, как в России, партии, которая бы в случае, если бы Шеварднадзе не удалось удержать власть в своих руках, заняла бы его место. Предыдущей геополитической ориентации ничто не угрожало. Однако смена поколений могла существенно усилить эту ориентацию без малейших затрат. Собственно само событие было стремительным и тоже происходило на единой символической сцене перед парламентом, а затем в самом здании парламента в Тбилиси, в столице.

6. С любой точки зрения украинская осень оказывается более сложной, чем приведенные “образцы”. Западная пресса не благоволила к Кучме, дело Гонгадзе усложняло его контакты с Западом, тем не менее он не был изолирован в такой мере, как Милошевич. Выбранного преемника, Януковича, формально дело Гонгадзе не касалось. При этом Кучму не считали однозначным “путинистом”, он, в принципе, постоянно пытался удерживать Украину в равновесии между западным (в первую очередь, американским) и российским полюсами. При этом Ющенко успешно и довольно быстро утвердился в глазах украинского общественного мнения как избранник Америки, а это, разумеется, привело к тому, что Янукович был пригвожден к Востоку, но роли здесь не были распределены заранее (американцы в итоге признали факт такого раннего предварительного выбора¹). Впрочем, речь идет о значительно большей стране, чем две упомянутые ранее. Акции неповиновения явно следовало проводить. Факторы внешнего влияния — обещания помощи, улучшения отношений между странами, другие формы помощи — по масштабу необходимых затрат должны были бы многократно превышать достаточные для Сербии и Грузии. Свержение режима Кучмы, тем не менее, успешно осуществилось, к тому же таким образом, что в состав украинской элиты не вошли новые радикально настроенные персоны и в то же время из первых рядов не ушли ключевые фигуры предшествующего режима. Никакого насилия совершено не было. Удалось одновременно с киевским Майданом, подключив значимые города, сыграть спектакль на нескольких сценах. В итоге западным игрокам — американцам, НАТО и Евро-

---

¹ Европейцы, а точнее Брюссель, к этой игре подключились гораздо позже и с менее четко сформулированными приоритетами.

союзу — не пришлось брать на себя дорогостоящих обязательств, давать радикальные политические обещания, кроме отдельных символических жестов. Из трех сравниваемых случаев в этом плане украинский оказывается наиболее успешным — независимо от того, какие события должны были произойти весной 2006 года в украинской политике. Далее следует обратить внимание на некоторые технические политические приемы, комбинация которых сыграла решающую роль в событиях ноября–декабря 2004 года в Киеве. Подчеркиваем, что считаем важнейшей инновацией киевского политического маркетинга не факт проигрывания сербско-грузинского сценария в гораздо более сложных условиях, а режиссуру массовых сцен, управление настроениями уличной толпы, “растягивание” карнавала на недели. Однозначно — кто бы и к каким спекуляциям ни прибегал — об авторах политического маркетинга нам ничего не известно. Тем не менее достижение можно считать довольно существенным, даже если предположить, что, вероятно, многое исходило из местных импровизаций, активизации и усиления местных инициатив¹. Общеизвестны тренировки гражданских лиц по формам и приемам гражданского неповиновения, разработка организационных платформ для радикальных студенческих группировок, обеспечение организационного know-how для зарождающихся политических движений и, наконец, роль зарубежных источников. Если я правильно понимаю, несмотря на то, что информация о таких вещах всегда связана с разнообразными политическими обвинениями, те зарубежные организации, на которые при этом ссылаются, никогда этих фактов не отрицают, не отмежевываются от них². Хотя черная ПОРА действовала уже в январе 2004 года, а в марте заявила о себе публично (а в апреле 2004 года образовалась и желтая ПОРА), как внешний наблюдатель я не стал бы переоценивать их деятельность. Как

---

¹ Почепцов [1] в своей весьма интересной книге, безусловно, прав, утверждая, что революции до сих пор происходили в национальных рамках далеко от нового виртуального мира, а значит, в новых глобальных культурных и политических обстоятельствах предпосылки и способ их проведения изменились. И здесь мы имеем дело с “брендами”, или точнее, с рабочими программами по изменению брендов, и в этом смысле можно говорить о новой “протестной инженерии”. Вместе с тем рассматриваемая Почепцовым литература в основном концентрирует внимание не на процессе реализации протеста, а на его толковании *post factum*, и в этом смысле имеет дело скорее с социальным планированием или политическим маркетингом.

² Видимо, даже такой опосредованный способ подтверждения присутствия (весьма интересным образом) является составляющей политического предположения о том, что Запад и в дальнейшем не забывает о силах сторонников изменений в Украине — равно как не оставил их в тот год. Зарубежные центры помощи, как правило, отрицают свое влияние на радикальные внутривнутриполитические процессы в тех государствах, в которые от них поступала помощь. В противовес этому в 2005 году весьма продолжительное время на сайте американского USAID (factsheet 2004 www.usaid.kiev.org/news) представлялось заявление, согласно которому организация гордится, что имела непосредственное отношение и не упустила случай принять участие в киевских событиях ноября–декабря 2004 года. Н.Колибаскина и К.Темненко [2] приводят в приложении к своему исследованию таблицы о деятельности USAID по разработке политических программ помощи с целью развития демократии. Источником методологии тренинга для студенческих групп был Freedom House, причем не только для украинской (черной) ПОРЫ, но и для сербского ОТПОР и грузинского КХМАРА, а также для менее известного албанского МЈАФТ и белорусского ЗУБРА.

и общественная организация ЗНАЮ¹, которая уже весной 2005 года смогла организовать в регионах несколько тысяч активистов и сыграла определенную роль в развертывании коммуникационной системы для протестной информации. Хотелось бы подчеркнуть, что в данной истории новацией является не участие названной организации, а использование карнавала для массовых политических акций. В перенесении зарубежного опыта общественного неповиновения содержится не много методических новаций. По-настоящему интересно другое.

7. В развитии и утверждении постсоветских общественных движений везде участвовали зарубежные организации, фонды. Однако они не брали на себя руководящей роли, и участие государственных средств было разве что второстепенным. В основании феминистических и природозащитных организаций в Восточной Европе среди зарубежных партнеров первоочередную роль играли “зеленые” и феминистские организации. Те, кто был убежден в транснациональной значимости своих программных положений и заинтересован в распространении собственного мировоззрения, идеологии и политических программ в международной среде. Постсоветские братские организации, возникшие при частичной поддержке своих зарубежных аналогов, вскоре обращались за поддержкой к отечественным и международным источникам, в том числе и к тем, которые имели, хотя бы отчасти, государственное финансирование. Речь идет об источниках, поддерживавших собственные (то есть “западные”) “зеленые” и феминистские организации, которые, в свою очередь, с целью повышения собственного политического рейтинга поддерживали аналогичные “восточные” организации или отдельные программы. Однако в случае украинских (или грузинских и подобных) “программ по развитию демократии” в основном речь шла о другом. Технические приемы гражданского неповиновения, усвоение их на тренингах обеспечивали не государственные структуры и, главное, не консерваторы. В своей современной форме, пригодной для передачи путем обучения, эти приемы были разработаны в США или в Западной Европе внепарламентской оппозицией, то есть представляют собой продукты радикальных “новых левых” или “жесткой оппозиции”². Обычно их используют именно против тех правительств, промышленных корпораций и военных

---

¹ Возникновение также поддерживалось иностранными источниками. Здесь и в предыдущих утверждениях наша критика касается не факта зарубежной поддержки общественных движений, а того, что зарубежные правительственные источники или государственные средства в случае внутриполитической борьбы поддерживали только одну из сторон, тогда как с другой стороны, находившейся при власти, поддерживали официальные отношения, даже заключали с ней в это же время соглашения.

² Наиболее оригинальные дебаты подобного толка встречаются среди материалов антиглобалистских организаций, а вот радикально настроенных проглобалистских зеленых, таких как “GreenPeace”, — на их веб-сайтах и в популяризаторских брошюрах. Лишь совсем необразованные и наивные люди могут думать, что речь идет о каких-то особых секретах. Материалы по подготовке актов неповиновения можно найти на сайте www.actupny.org. Наиболее известный американский материал подобного типа “Handbook of Nonviolent Action” можно приобрести в Нью-Йорке в “War Resister’s League”. На отдельных анархистских сайтах можно наткнуться даже на советы по организации акций более насильственного характера.

союзов, которые теперь, руководствуясь своими геополитическими интересами, пытались эти приемы распространить.

8а. Обратимся к вопросу об определении природы “революции”. Государственный официоз определил киевские события конца осени 2004 года с первого момента как “революцию” и как таковую праздновал во время первой годовщины и избирательной кампании. Вследствие этого украинская интеллигенция, иногда задействуя исторические аналогии, открыла публичный диспут о том, действительно ли в декабре 2004 года на Майдане произошла революция¹. Обе стороны неохотно принимают участие в этом споре. Тем не менее я считаю необходимым обратить внимание на то, что ноябрьские уличные события являются составляющей массовой культуры. Как любая выдающаяся социальная перемена отражается в массовой культуре, так и революции создают свои массовые культуры. Все, что известно нам как песни и картины 1917 года, позже было канонизировано и введено в широкое употребление в советский период, конечно, будучи в значительной мере реконструкцией или задним числом канонизированным апокрифом. Тем не менее известно, что гражданская война создала и собственный фольклор, музыку и визуальные формы. Такие примеры можно привести и со ссылкой на поворотные пункты истории других народов. Я не пытаюсь включить в этот ряд киевский ноябрь, но существует обратная связь. Именно в этом заключается новое. Не политический перелом создает массукульт, а, собственно говоря, неревolutionционная массовая культура поставляет сторонников, необходимых для политических изменений. Майдан, в этом смысле, можно рассматривать как гигантский непрерывный попконцерт, в интермедиях которого массам предлагалась и политическая информация. Здесь политические руководители утопают в иконографии массакультуры, и под ее влиянием сами, по сути, становятся попгероями. К примеру, братья Кличко воспринимаются как телевизионные иконы, и этот культ в глазах масс экстраполируется также на Ющенко. Возникает вопрос — где здесь новация? Правители (или кандидаты в ...) издавна предпочитали появляться перед толпой в сопровождении магов или священнослужителей, ибо верили, что святость последних в восприятии зрителей передастся им самим. Однако в нашем случае культ возникает из массакультуры и святость — из live-show. Вот в чем заключается настоящая новация. Тем самым я отнюдь не утверждаю, что среди толпы — особенно на начальном этапе действия — не было людей, четко осознававших политическое содержание событий, и не оспариваю, что позже, если верить киевским слухам, появились оплаченные зрители, для которых святость в своей истинной форме не имела значения. Но, пожалуй, атмосферу карнавала не определяет ни первая, ни вторая группа. Естественно, в этом смысле можно говорить о карнавале и

---

¹ Вопрос, безусловно, имеет и неакадемический, актуально политический аспект, и волнует не только сторонников и противников Ющенко. Ведь наиболее радикальные его приверженцы того времени пользуются метафорическим выражением “утраченной революции”. Соответственно, с точки зрения классической теории революций (предполагающей использование в основном марксистской терминологии, разумеется, без ссылок на имена) тогда в Украине “назрела революционная обстановка”, однако политические элиты этой возможностью не воспользовались. Революция не осуществилась, хотя могла осуществиться, но “они” этого и не хотели. См., напр., веб-сайты наиболее радикальных общественных движений НІТА-2005-ОГ на Майдане.

языком масскультуры, которая во всем — в новой марке диетической колы, в многомиллионной рекламе нового фильма, просто в новом танце — усматривает, а точнее, пропагандирует “революцию”. В этом смысле о том, что происходило в Киеве перед Главпочтамтом, безусловно, можно рассуждать языком попкультуры как о революции, вовсе не претендуя на проведение утонченных историко-философских параллелей.

86. Уличную толпу можно рассматривать как псевдонарод. Из сказанного выше, тем не менее, вырисовываются границы валидности ссылок на легитимационную силу уличных сцен. Однако с этой проблемой в современной представительской демократии организаторы народных движений соприкасаются повсюду. Ведь они, представляя определенные идеи, наталкиваются на вопрос, от чьего собственно имени они выступают в общественной жизни? Они якобы говорят от лица народа, более того, от всего человечества, но есть ли те, кто путем демократических процедур уполномочил их на это? Разнообразные движения отвечают, разумеется, по-разному. Вместе с тем сам вопрос не имеет смысла в тех случаях, когда в жестких авторитарных режимах действие демократических процедур просто отменено. Большинство постсоветских систем, в частности украинскую, установившуюся после 1991 года, мы, безусловно, не можем отнести к такому типу режимов. С юридической, политической и стратегической точек зрения “оранжевая история” оказывается случаем особым. В ноябре 2004 года возможность сослаться на массы, которые вышли на улицу (и представляли средние классы), была для команды Ющенко основным, опорным тактическим элементом. Но поскольку после следующих выборов, единогласно признанных легитимными, Президент и назначенные им чиновники-политики в дальнейшем уже должны представлять интересы не только своих избирателей, а тем более — участников акции неповиновения, закончившейся после масштабных событий, они должны представлять интересы всего государства. Собственно в демократическом обществе движение протеста является такой же органичной составляющей, как и форма делегирования доверия (то есть выборы) [3].

9. В контексте соотношения протеста и демократического контроля можно говорить о разнообразных формах общественного контроля. В обществах такого типа (в основном в западных), которые можно считать сбалансированными, среди форм демократического общественного контроля чрезвычайное значение придается выборным процедурам в противовес разным видам проявлений протеста. Возможно, в сфере политики, в сфере общественного контроля над государством следует различать решения “авторские” и решения “редакторские” [см.: 3]. В первом случае массы избирают своих делегатов и, в принципе, выборные представители пытаются воплотить программу тех, кто “прикомандировал” их к политике. В этом смысле классы, находящиеся вне политики, участвуют в процессе демократического контроля с полноценными “авторскими правами”, ведь в случае неадекватной защиты их программы они могут политика переизбрать. О редакторском контроле мы говорим тогда, когда формулируемые общественные упования проявляются как поправки, уточнения, имеющие целью изменить существующие программы без претензий на “авторские права”. Разумеется, следует четко различать такие ситуации, в которых действительно возможно проявление коллективной свободы, и такие, где более ценными считаются расхождения во мнениях, плюрализм (поскольку в этом случае важно од-

новременное сохранение различий во взглядах). Таким образом, вырисовывается основная матрица демократического контроля:

	“АВТОРСКИЕ” ФОРМЫ	“РЕДАКТОРСКИЕ” ФОРМЫ
КОЛЛЕКТИВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ	“авторский” коллективный	“редакторский” коллективный
ПЛЮРАЛИЗМ	“авторский” плюралистический	“редакторский” плюралистический

Здесь выделяются три основных вида протестного действия: реактивный, представительский и регулировочный протесты. В случае реактивного протеста власть заранее предвидит конкретную реакцию общества на действия политического класса и, принимая во внимание этот фактор, пытается учесть его при планировании собственной тактики. Этой цели служат различные консультации, формальные возможности подачи жалоб и другие менее очевидные формы проявления гражданской позиции. Тем не менее сюда следует отнести демонстрации, а также разные формы гражданского неповиновения, поскольку в действительности их целью является не смена власти, а влияние на ее действия в пунктах, существенных и ощутимых для общества. Случается, что в таких ситуациях власть руководствуется опасениями и иногда самым неожиданным образом даже старается предупредительно реагировать на вероятное недовольство. Как результат, власть старается так или иначе соответствовать ожиданиям общественного мнения или найти для самых острых проблем какой-либо иной способ терапии, и в итоге — адекватно реагирует на претензии реактивного контроля. В противовес этому случаю репрезентативная (представительская) протестность влияет на внутренние рычаги представительского механизма и оживляет, приводит в действие такие закономерные составляющие парламентского порядка, которые, собственно, являются составляющими общественного контроля. В заключение следует сказать о регулятивном протесте, требующем соблюдения формальных составляющих демократии, например, достигающем относительной прозрачности действий, которые, в свою очередь, делают возможными проявления других форм протеста. В ноябре 2004 года на улицах Киева наблюдалась смесь всех трех видов протеста. Однако для стороннего наблюдателя определяющими казались более романтичные (и, наверное, более радикальные) разновидности реактивного протестного потенциала.

10. Обратимся, наконец, к мифам и инновациям. Рассматривая события ноября 2004 года, кто-то из культурологов очертил в драматической канве событий две предположительные линии: первая, как мьяльная опера, а вторая — народная сказка о младшем брате-герое. В какой-то мере новацией здесь является очевидное смешение двух жанров. Явно наблюдалась так называемая драматургия переплетенных сюжетов мыльных опер. События на Майдане и переговорный процесс в высших эшелонах украинской элиты, да еще и с участием заинтересованных геополитических игроков, — все это происходило параллельно и независимо друг от друга. Присутствующие на улице могли наблюдать, как на мгновение занавес поднимается, и тогда видно, что происходит в той или иной истории. Таким образом им подавалась иллюзия секретности, тогда как волей судьбы они осуществляли давление

своей массой в качестве статистов, когда крупная игра велась в дипломатической плоскости. Более того, ощущение секретности придавало людям сил, и они самоотверженно оставались на Майдане, даже когда карнавал становился уже скучным или изнурительным. Одновременно удалось представить Ющенко¹ как простого человека, сражающегося со всей империей и с самим царем. А сочувствие людей, разумеется, всегда на стороне младшего.

Вывод. В киевских событиях ноября–декабря 2004 года и в дальнейших событиях 2005 года я бы обратил внимание на следующие инновационные элементы: а) политический поворот, рожденный карнавалом, возникшим как реакция на предшествующую политику (в отличие от выводов Г.Дебора [4] и О.Шнайдера [5]; ср. также [6–9]); б) первый случай в постсоветском пространстве, когда массовые протесты стали результатом разочарования среднего класса в постноменклатурщиках, узурпировавших власть, но оказавшихся неспособными реагировать на сверхбыстрые изменения; в) на идеологическом уровне неслыханный успех контаминации мифов, который опирался на постмодерное медиа-окружение и его сознательное использование: классический сказочный герой был привлечен в сценарий легкого жанра; г) альтернатива западного антиглобализма, заключающаяся в отторжении глобалистской элитой технических приемов, сформированных в новолевачком мире; такие приемы с наполнением, прямо противоположным тому, который вкладывали в них их авторы, применялись в интересах моноцентрической глобализации.

Эти четыре инновационных момента нередко оказываются почти несовместимыми. Нам неизвестна мера участия в событиях украинских политтехнологов и самой улицы, а также то, какова в этом авторская доля достаточно отдаленных аналитических и стратегических центров. Однако результат — хотя с точки зрения обществоведения я бы не назвал этот результат революцией — все равно после 1991 года является первым опытом аккуратного, но все же насильственного изменения геополитического баланса.

Литература

1. *Поченцов Г.* Основы протестной инженерии. — М., 2005.
2. *Kolibaskina N., Temnenko K.* Social Capital and Civil Society in Making of Democracy in the Ukraine: a Case-study of Orange Revolution. — К., 2005.
3. *Pettit P.* Democracy, Electoral and Contestatory // *Nomos*. — 2000. — № 42. — P. 105–144.
4. *Debord G.* La Société du Spectacle. — P., 1967.
5. *Schneider O.* Wege aus dem Spektakel? Eine Untersuchung von Methoden von Situationisten und Culture Jammern? — Leipzig, 2003.
6. A SZÖVEG ANGOLUL ELERHETX. — <http://www.nothingness.org/SI/debord/index.htm>.
7. *Boje D.M.* Theatres of Capitalism — Managing Corporate Spectacle, Resisting with Carnival and Creating Festival on the Global Stage. — N.Y., 2005.
8. *Bryne P.* US Boosts FSA Assistance to Ukraine // *Kyiv Post*. — 2005. — Februar 10.
9. *Xima I.* Чи була революція? — Maidan.org.ua/static/mail/1135442767.html, 25-1-2005.

---

¹ Во многом благодаря инертности политики России и бездарности ее политтехнологов.